

Очерк «Война глазами ребенка»

Со временем всё зарастает былью,
Что связано с минувшею войной,
Уж не приходят вдовы к надмогилю,
Траншеи битвы заросли травой.

Анатолий Булутенко

Великая Отечественная война... Она стала величайшим бедствием двадцатого века. Сколько жизней она унесла, сколько судеб покалечила?

Ответы на эти вопросы мое поколение может получить из разных информационных источников, но сухие факты - это не то, что каждый ожидает получить.

Много лет минуло со дня окончания битв, «ушли» многие из ветеранов. Почти не осталось тех, у кого можно было бы спросить, что такое война.

Но все же еще есть люди, которые помнят. Это те, кто во время войны был ребенком. Я встретила с одной женщиной, её зовут Рыбалко Зоя Егоровна*, сейчас ей восемьдесят шесть лет, в тысяча девятьсот сорок первом ей было всего пять, но то, что происходило, глубоко врезалось в ее тогда хрупкую память.

Сухонькая, небольшого росточка женщина, сидя у окна и вглядываясь вдаль, начала свой рассказ:

«Я родилась двадцатого июля тысяча девятьсот тридцать шестого года в Сталинградской области, Калининском, а нынче Новоаннинском районе, на станции Панфилово, в хуторе Макаровский.

О том времени я помню немного, мне было мало лет, но то, что запомнилось, не забуду никогда!

Все началось летом, наш хутор стоял в трех с половиной километрах от железной дороги, и вся ребятня собиралась там смотреть на поезда. Ходили они нечасто, и разглядывать дымящийся паровоз было одним из самых интересных развлечений... но в те месяцы поездов стало намного больше, и не только поездов, гнали скот, шли женщины с детьми. Это было похоже на переселение...

Всех животных перегоняли через наш хутор, моя мама доила коров, которых вели с Дона. Много животных тогда погибло, не вынесло такого перехода, но это было только начало.

Недалеко от нас располагалось село Филоново, там находился элеватор. Немцы его разбомбили до основания, мы долгое время чувствовали запах горелой пшеницы. Его не спутать ни с чем! Это запах пригоревшего хлеба, но то, насколько горьким он был, не передать словами. Дети есть дети. Мы знали, что бомбят Филоново, а в восемнадцати километрах от нашего хутора был обрыв, Красный Яр. С него этот поселок как на ладони. Нас было пятеро: я, мои сестры и двое соседских мальчишек. Мы побежали смотреть на самолеты. Немецкие самолеты. Они были очень большими и блестели на солнце. Разглядывание этих для нас машин стало новым развлечением.

Когда начался обстрел, одна из машин делала поворот как раз над Яром, где сидели мы. Я до сих пор помню лицо пилота, он был в коричневой кожаной шапке и очках на пол-лица, я даже разглядела его глаза, в которых не было ни капли сострадания или милосердия к людям, они были холодными и безразличными, страшными. Один из ребят вскрикнул: «Гляньте, воробьи в песке купаются!», а самый старший закричал, что никакие это не воробьи и чтобы мы бежали, потому что это в нас стреляют из пулеметов. За все восемнадцать километров мы ни разу не остановились, так велик был страх, но не перед пулеметом, а перед этими глазами.

Когда бомбили Калач и Дон, можно было услышать эхо взрывов, для этого достаточно было наклониться к земле, она как будто дышала, даже слегка постанывала. «Слушать» взрывы нас научил один дедушка по фамилии Рудь, бывший белогвардеец. Он говорил, чтобы мы нагибались к земле, слушали и говорили, что слышим, а он объяснял: «Вот этот звук – бомба упала, но не разорвалась, вот этот – попала в здание. Но не бойтесь, мальцы, до нас не дойдет». Но война дошла и до нас, хотя потерь от бомб было немного: «зацепили» школу, нефтебазу, мост через небольшую речушку Бузулук.

Тогда же я узнала, что в селе Панфилово был аэродром, но в то лето на нем вырос донник с человеческий рост. Трава эта с очень толстым стеблем, и косить ее трудно. Женщин со всех ближайших поселков согнали туда на покос. Моя мать тоже была там и все дети, потому что оставлять нас одних было нельзя. Днем скошенную взрослыми траву мы скидывали на арбы, вечером смотрели, как выкатывали самолеты. Укрытиями им служили дорожные палатки, разбитые над неглубокими ямами. Перед взлетом каждому самолету под крылья вешали по два ящика небольших размеров, из которых выглядывали винты, только потом я поняла, что это бомбы... тогда мне казалось, что отправляют посылки, как оказалось, каждая из этих посылок несла в себе смерть и разрушение.

Так прошла осень. Наступила зима. Если скот и женщин увозили в тыл, то теперь эшелоны пошли в обратную сторону, к Сталинграду. На одном из них увезли моего отца. Он не был простым рядовым, его сразу поставили старшиной роты, он был грамотным

человеком. Как рассказывала мама, из бывших дворян, а жил у нас на хуторе по «белому» билету. С собой на фронт он забрал одну фотографию, писем не писал, и его фотокарточки в военной форме у меня, увы, нет... Я помню, как на прощанье он обнял меня и подарил детские часики-кирпичик на кожаном ремешке. Куда они потом делись, не помню...

А после этого, как реку прорвало. Шли солдаты. Много солдат. Шли пешком вдоль полотна. За ними ехали танки, на тракторах и лошадях тащили пушки. Все это было как нескончаемый поток металла и людей. Танки месили только что выпавший снег с грязью, увязали в ней, застревали, солдаты чуть ли не на руках вытаскивали громадные машины из этого болота. Пушки опрокидывались на землю, замученные кони ржали, не имея возможности отдохнуть. Еще там были разобранные самолеты, взрослые говорили, что они из Сибири. Целые сутки длился этот кошмар. Нескончаемый гул стоял над хутором. Ночью невозможно было уснуть.

Сказать, что во время войны мы бедствовали, я не могу. Все так же, как и прежде, работала школа, в которой было всего лишь четыре класса и две учительницы, так же мы резвились на улице и бегали, где хотели. Колхоз снабжал всем необходимым, тогда я, конечно, не задумывалась над тем, какой ценой это давалось матери. Но все же... по железным путям шли эшелоны и шли всегда, а у солдат была еда. Они выкидывали нам из окон конфеты, хлеб, если проезжали летчики, то шоколад, артиллеристы – тушенку. Однажды один из солдат бросил нам порционный хлеб, буханку, рассчитанную на человека, и попал одному из мальчишек в спину. Мальчишка отделался испугом, но это научило нас впредь быть поосторожнее с «летающей» едой.

Еще обычно рассказывают, что те, кто был в тылу, отдавали на фронт всю еду, а сами голодали, может, это и так, но не в нашем хуторе. Женщины шили перчатки, варежки и носки и отправляли их на фронт раз в две недели. Да, был налог на каждую семью: восемь килограммов масла, сто яиц, шерсть, мясо. Но этим занимался колхоз, и людей никто не заставлял отдавать последнее. Платили деньги на вооружение, но в послевоенные годы в плане пропитания было, несомненно, хуже.

Той же зимой везли румынскую армию. У них шинели были цвета морской волны. Это было как раз на Новый год.

Когда мы с мамой пришли домой с новогодней Ёлки (их проводили даже в эти годы), один из румын забежал к нам в дом. У нас были очистки от картошки, и он начал их есть... это было кошмарное зрелище: перепачканный, изнуренный голодом человек вгрызался в шкурки от картофеля, будто это была самая вкусная еда в его жизни, мы же этим только свиней кормили. На нем была выцветшая шинель и грязный платок на голове.

Почерневшие худые руки со скрюченными пальцами хватали эти отходы и запихивали в рот. Глаза метались из угла в угол, безумные глаза. Шло время, а он все набивал и набивал рот этими помоями. Но тут вбежал наш солдат и увел пленного. Поили румын из колодцев для скота, а что они ели, я и подавно не знаю, да мне было и неинтересно.

Прошла весна, наступило лето, ничего не менялось. Шла война, многих отправили строить ответвление от железной дороги, на фронт отправляли солдат, приезжали беженцы из разных городов: Ленинграда, Москвы, Киева...

Осенью привезли новые танки. Их устанавливали очень хитрым образом: по три под каждую стену хаты, затем накрывали соломой и защитной тканью. Месяц они так и простояли, Сталинградская битва уже закончилась, и их должны были куда-то перебросить. Мы кормили танкистов, они давали нам солярку для ламп. Когда наконец пришел приказ, танки стали уходить, один из них, отъезжая, задел башней нашу хату, и она слегка покосилась, но ее поправили. Тогда же пришло первое письмо от отца. В нем говорилось, что он контужен и просит маму приехать. Она поехала, вернувшись, рассказала, что отец скоро будет здоров и поедет под Москву, но к нам уже никогда не возвратится, даже если пройдет войну. Оказалось, что «белый» билет закончил свое действие ровно тогда, когда отца забрали на фронт.

Затем пошла волна раненых. Их доставляли на тридцать пятый километр между разъездом Солоново и Панфилово, к колодцу. Наспех загруженный в Сталинграде ранеными эшелон прибывал туда на стоянку. Неотложным делали операции, для этого на каждом рейсе была специальная платформа, где стояла печь, бочка с водой и лошади. Мертвых хоронили: в каждую могилу по пять - семь человек. Моя мать всегда приходила на это кладбище, поминала всех убитых с надеждой на то, что отца среди них нет. Так прошло много времени.

И вот настал день, когда все паровозы загудели, санитарки и рабочие бегали и кричали. Это было похоже на безумство, но оно было настолько радостным и долгожданным, что этого никто не замечал. Это был конец войны.

Во время первого послевоенного урожая нам принесли письмо: «Подмосковье, Хитяевский район, село Халявки. Похоронен в лесу». Это была похоронка на отца. Она не сохранилась, саму бумажку отдали в колхоз для оформления пособия. То, что в ней содержалось, я прочитала, когда мне было уже лет девятнадцать, на обратной стороне одной из справок. В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году я съездила туда, на пяти обелисках было по пять фамилий. Кто из них кто, было не разобрать. Сказать, что я испытала разочарование, нельзя, ведь отца я помню лишь по тем двум фотографиям, что у

меня сохранились. Они сделаны фотографом Петром Ильичом Мичульским за день до того, как его забрали».

Смахнув рукой слезу, катившуюся по морщинистой щеке, моя собеседница замолчала.

Такой осталась война в памяти Зои Егоровны. Событием, несомненно, ужасным, но благодаря детской памяти не воспринятым более детально. Но несмотря ни на что, эти воспоминания бесценны. Они помогают оценить не только факты и масштабы войны, но прочувствовать сердцем происходившее.

Я не могу передать словами, что творилось у меня на душе, когда ее рассказ был закончен. Пришло осознание мелочности нынешних бед и проблем, желание изменить себя и окружающий мир, говорить о подвигах военных лет, узнавать новое и стремиться вперед.

Жизнь стала видеться несколько иначе, более ценной и красочной. Хотя бы только ради этого мы должны беречь знания и чувства людей, прошедших войну.

Мир несовершенен ровно настолько, насколько несовершенен человек. И я призываю всех: «Цените ветеранов, людей прошедших войну, тыловиков. Они подарили нам жизнь и мирное небо. Цените их воспоминания, и память о них никогда не исчезнет».

*Фамилия, имя и отчество героини по ее просьбе были изменены.